

УДК 821

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-99-106

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОМОРФНОЙ ВЕЩИ В ПРОЗЕ XX ВЕКА

Хонг Е. Ю.

*Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование семантики и функций персонифицированных, в частности антропоморфных обиходных предметов в литературе XX в.

Процедура и методы. В работе рассмотрены различия в толкованиях понятий *вещь* и *вещный мир*, отмечены работы предшественников, посвящённые роли вещи в художественном тексте. Посредством сравнительного литературного анализа отрывков из произведений Ю. К. Олеси, В. В. Набокова, И. С. Шмелёва, А. П. Платонова, Т. Н. Толстой показана преемственность в использовании персонификации русскими писателями. Особое внимание уделено тенденции к «самостоятельности» антропоморфной вещи, её отрыву от человека. В рамках этой тенденции анализируются отношения персонажей к вещам и с вещами. Отмечается, что в наибольшей степени самостоятельность вещи проявляется в произведениях Ю. К. Олеси, В. В. Набокова, Т. Н. Толстой, в то время как И. С. Шмелёв и А. П. Платонов, прибегая к персонификации вещей, связывают её с индивидуальным сознанием, оставаясь в рамках классической традиции. При проведении исследования применены методы наблюдения, сравнительного анализа, обобщения и литературоведческой интерпретации.

Результаты. В результате исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на иллюзорную самостоятельность антропоморфной вещи в предметном мире произведения, она сохраняет свою характерологическую, т. е. служебную функцию, участвуя в изображении психологических особенностей, духовной и душевной жизни человека – отдельного персонажа, типажа и самого автора. Таким образом, в «жизнеподобной» прозе персонификация является одним из косвенных приёмов художественного психологизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическую значимость работы составляют предложенные интерпретации семантики антропоморфизма в произведениях указанных авторов.

Ключевые слова: вещь, антропоморфный, персонификация, характерологическая функция, внутренний мир

CHARACTERING FUNCTION OF ANTHROPOMORPHIC OBJECTS IN THE 20TH CENTURY PROSE

E. Hong

*Moscow Pedagogical State University
1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the paper is to study the semantics and functions of the personified objects in the Russian literature of the 20th century.

Methodology. The abstracts from the literary works by Y. Olesha, V. Nabokov, I. Shmelev, A. Platonov, and T. Tolstaya are analyzed. The simultaneous tendencies to the personified object's 'independence' and to the extension of its characterizing function are demonstrated. The main methods of the research are observation, synthesis, comparative analysis, and interpretation of results.

Results. The research leads to the following conclusion: Full personification makes everyday objects seem independent of man; nevertheless they keep their characterizing function and thus can be considered to be indirect means of depiction of the human psychology.

Research implications. The research results contribute to the interpretation of the personified objects' semantics in the literary texts.

Keywords: object, anthropomorphic, personification, characterizing function, inner world

Введение

В теории литературы *вещь* принято относить к компонентам *мира произведения*, тесно связанным с его важнейшими единицами – персонажами [11, с. 158]. При этом понятие *вещь* трактуется учёными по-разному, иногда довольно широко. Так, Л. Я. Гинзбург включает в понятие *вещный мир* внешний предметный мир, противопоставленный миру внутреннему [3, с. 331]. В том же ключе рассуждает А. П. Чудаков, отождествляя *вещь* и *природный или рукотворный предмет* [12, с. 25]. Е. А. Нестерова считает необходимым подчеркнуть в дефиниции *вещи* неодушевлённость, предлагая определять её как «элемент действительности, не обладающий собственным внутренним миром, созданный или изменённый человеком» [7, с. 52]. В данной статье отдаётся предпочтение словарному определению, согласно которому *вещь* – это «всякий предмет, изделие бытового обихода, личного пользования, трудовой деятельности»¹.

Е. Р. Коточигова выделяет три функции вещи в художественном тексте: культурологическую, сюжетно-композиционную и характерологическую [3, с. 292]. Последняя из перечисленных представляет наибольший интерес с точки зрения художественного психологизма. Раскрытие через вещь личностных качеств её обладателя – распространённый художественный приём в европейской и русской классике XIX в. Речь идёт о «вещи, сродной человеку» [11, с. 202], подчёркивающей психологические особенности изображаемой личности. Об актуальности темы

свидетельствует большое количество научных работ, посвящённых исследованию данного аспекта в творчестве Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова², мастерски показавших «интимную связь вещей со своими хозяевами» [3, с. 293].

У писателей XX в. функция вещи заметно расширяется, приобретая новые формы реализации в произведении. С одной стороны, возрастает значимость роли вещи в изображении душевных процессов и особенностей внутреннего мира человека; с другой стороны, очевидна тенденция к «равноправию» вещей и персонажей (причём отнюдь не только в сказках, фантастике и фэнтези, для которых это характерно). Как показывают наблюдения, и то и другое происходит за счёт персонификации, в частности антропоморфизма [5]. Этот троп, как справедливо отмечает А. С. Альшевская, «имеет достаточно широкий спектр применения в литературе» [1, с. 67] и считается «частным случаем олицетворения»³, которое современные учёные определяют как «метафоры и сравнения со значением персонификации, то есть компаративные тропы» [8, с. 36].

Целью данного исследования выступает выявление семантики и функций антропоморфных вещей в произведениях прозаиков XX в.

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 123.

² Вещь в произведениях русских классиков исследовали В. Н. Топоров, Л. Я. Гинзбург, А. П. Чудаков, Р. Кирсанова, Е. С. Мякина, Л. А. Давыденко и др. Т. М. Миллионщикова отмечает работы американских учёных, исследовавших роль вещей в русской литературе XIX в.

³ Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. И. Тимофеев, В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 21.

Взаимоотношения персонажей с «одушевлёнными» вещами в произведениях Ю. Олеши и В. Набокова

Л. Я. Гинзбург, детально и глубоко исследовавшая семантику вещи в поэзии «психологического символизма» [2, с. 314] (прежде всего в стихах И. Анненского), выделила три типа соотношений между человеком и антропоморфными предметами. По мнению учёного, предметы в широком смысле слова замещают, сопровождают или дублируют процессы внутреннего мира [2, с. 331–332]. «Вещи – знаки душевного опыта», – утверждает Л. Я. Гинзбург, – «а душевные процессы как бы ассимилируют материальную среду, окружающую человека» [2, с. 337].

Примером такой ассимиляции являются сетования героя-рассказчика (Н. Кавалерова) из романа Ю. Олеши «Зависть»: «Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь – монета или запонка – падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеётся»¹.

В данном отрывке стоит отметить два момента: 1) он композиционно и содержательно обособлен, т. е. стоит в скобках и напрямую не связан с описанием утреннего моциона другого персонажа – Бабичева, которое он «перебивает»; 2) «полная» персонификация предметов мебели вкраплена в жизнеподобную образность повествования, но при этом органична ей и не воспринимается как чужеродный элемент. Термин «полная» персонификация использует Е. Б. Серебрякова [10, с. 65].

Такая композиционно-стилистическая особенность добавляет основному смыслу пассажа несколько оттенков. Даёт понять, во-первых, что рассказчик – человек с богатым воображением; во-вторых, что он

постоянно, в любой ситуации, чувствует себя уязвлённым, в-третьих, что он считает своё унижительное положение несправедливым, не имеющим объективных оснований, как не может быть оснований у нелюбви вещей к человеку с точки зрения здравого смысла. В итоге через «взаимоотношения» с вещами подчёркивается комплекс неполноценности рассказчика и раскрывается один из мотивов его доминирующего чувства – зависти.

Примечательно, что автор при этом находится скорее на стороне завистника, поскольку наделяет Н. Кавалерова бесспорными достоинствами: воображением и художническим талантом, противопоставляя его директору треста А. Бабичеву – «махровому» материалисту, которого, вероятно, по этой причине, «вещи любят»².

С одной стороны, враждебное отношение антропоморфных предметов к рефлексирующей, художнической личности, а с другой стороны, их любовь к трезво мыслящему сангвинику позволяют сделать вывод о противопоставлении автором духовного мира миру вещественному. Интересно, однако, что неловкость и неуклюжесть, на которые по логике в первую очередь должна была бы указывать вещная нелюбовь, не находят подтверждения в характере героя-рассказчика.

Роман Ю. К. Олеши оказал большое влияние на творчество одного из выдающихся писателей XX в. – В. В. Набокова, неизменно демонстрирующего в своих произведениях пристальное внимание к миру вещей. Аллюзии «Зависти» особенно заметны в романе «Король, дама, валет», что позволяет исследователям говорить о прямом заимствовании некоторых вещных образов [9].

У Набокова встречается замечание, едва ли не дословно совпадающее с тем, что рассматривалось выше у Олеши: «Странное дело: вещи не любили Франца»³. Если в «Зависти» неожиданное признание рассказчика – это лишь первый штрих к

² Там же. С. 6.

³ Набоков В. В. Король, дама, валет // Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 253.

¹ Олеша Ю. К. Зависть. М.: Эксмо, 2006. С. 5.

его психологическому портрету, то в «Короле...» это своеобразное подведение итога – косвенная констатация как раз тех качеств, на которые в первую очередь намекает вещная нелюбовь: неловкости и неуклюжести. В раскрытии этих сторон личности автор логичен и последователен: непростые отношения героя с вещами развиваются на протяжении всего повествования. При этом вещь ещё более очевидно, чем в «Зависти», поднимается до уровня самостоятельной субстанции, вступающей в равноправные отношения с человеком, а иногда и превалирующей над ним. Близорукий Франц постоянно обо что-то спотыкается, что-то ломает, опрокидывает, проливает, т. е. портит вещи. Они же, в свою очередь, наделены свойствами, вредящими человеку: «бушующий газ»¹, «увёртливый жилет»², «неуступчивый пломбир»³. Причём если Франц «обижает» вещи нечаянно, то они как будто нарочно активно противостоят ему: ботинок «прячется»⁴, калитка внезапно и «сердито» открывается⁵, – в результате большую часть действия персонаж пребывает «среди ... враждебных предметов»⁶.

Сам автор притворяется непричастным к этому противостоянию, замечая как сторонний наблюдатель: «странное дело». В действительности ситуация выглядит необычной потому, что Франц показан персонажем гиперчувствительной и брезгливой, но при этом бездуховной и лишённой художнического воображения, а значит, нелюбовь вещей не может быть отражением его творческого сознания, как это происходит в «Зависти».

Вместо противопоставления материального и духовного, которое мы наблюдаем у Ю. К. Олеси, антропоморфизм в набокковском романе отражает параллельные противоположно направленные процессы: одушевление вещей и овеществление лю-

дей. В результате такого сближения вещи не просто наделяются чувствами (что составляет суть персонификации), но и приобретают эмоциональную «независимость». О деперсонализации персонажей В. В. Набокова писали многие исследователи, связывая её с другими аспектами творчества писателя [см., напр.: 4, с. 464–465].

Однако, существуя в произведении как бы сами по себе, «живые» предметы одновременно выполняют по отношению к персонажам традиционную служебную функцию, причём даже тогда, когда прямо говорится об их безучастности к людской жизни. Например: «Вещи лежали и стояли в тех небрежных положениях, которые они принимают в отсутствие людей. ... В шкапу, улучив мгновение, тайком плюхнулся с вешалки халат, – что делал уже не раз, когда никто не мог услышать»⁷. На самом деле в комнате в этот момент находятся любовники – Марта и Франц, а приведённый пассаж лишь подчёркивает их всецелую поглощённость друг другом.

В иных случаях детализация психологических состояний осуществляется путём вовлечения предметов в жизнь главных героев. Так, посредством олицетворения домашней обстановки показаны: ненависть Марты к мужу («дому было душно от него, хрипло тикали часы, задыхались белые конусы салфеток»⁸), блаженство Франца от общения с прекрасной богатой дамой («улыбалась как будто и вся комната»⁹), а затем и его панический страх быть застигнутым с ней её мужем – благодетелем-дядей («катастрофическим блеском встречала его люстра в гостиной»¹⁰, «буфет ... смотрел во все глаза»¹¹).

Если в «Зависти» взаимоотношения с вещами отображают лишь определённые, связанные между собой грани личности рассказчика – комплекс неполноценности и зависть чужому успеху, то в романе В. В. Набокова они косвенно указывают

¹ Набоков В. В. Король, дама, валет // Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 127.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Там же. С. 175.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 147.

¹⁰ Там же. С. 179.

¹¹ Там же. С. 190.

на самые разнообразные аспекты человеческой психологии: настроения, чувства, мимолётные впечатления, перманентные свойства характера.

В текстах В. В. Набокова чрезвычайно важно, воспринимается ли вещь как живое существо самим героем или представлена таковым с позиции автора. В этом аспекте наблюдается прямая зависимость: персонажи, злые к вещам, злы и к окружающим. Например, жестокая и властная Марта с раздражением отказывается от пирожного, о котором далее следует сочувственный авторский комментарий: «одинокое, ненужное, *незаслуженно обиженное*»¹ (здесь и далее курсив наш. – Е. Х.). Антипод Марты – добродушный Драйер, напротив, способен вещам сочувствовать, замечая в криминальном музее в первую очередь «тысячу мелких обиходных предметов, *незаслуженно обиженных*»², «*ни за что, ни про что обиженный столик*»³.

Троекратное, почти дословное повторение на протяжении нескольких страниц (что само по себе редкое явление для такого виртуоза слова, как В. В. Набоков) замечания об обиде, нанесённой вещам, лишний раз подчёркивает статус вещи как беззащитного живого существа.

Духовная личность у Набокова почти всегда обладает способностью замечать вещь, чувствовать её и ладить с нею. «Жалость к вещам»⁴ – даже нелюбимым! – является неотъемлемой частью истинных набоковских художников.

Антропоморфизм как средство выражения этической и эстетической позиции автора

Следует отметить, что сочувствие простым обиходным предметам обнаруживается, конечно, не только у В. В. Набокова. В действительности описание этой внутренней особенности восходит ещё к «Федру»

Платона: «Всякая душа печётся о всём неодоушевлённом»⁵.

В литературе XX в. можно выделить, например, «Записки не писателя» И. С. Шмелёва: «...увидишь в сених лопату, метлу в углу, а ночь такая морозная, ... – жалостно станет в сердце, с укором будто: «а они так и будут стоять в темноте и мёрзнуть...»⁶.

Духовное единение с предметной обстановкой испытывает и Саша Дванов из романа «Чевенгур» А. П. Платонова: «Когда осенью заунывно поскрипывали ставни, Саше было скучно сидеть дома вечерами, он слушал ставни и чувствовал: им тоже скучно...»⁷.

При этом в обоих приведённых эпизодах сочувствие вещам сопряжено, в духе гуманистической традиции русской классики, с таким же чувством по отношению к людям. В продолжении абзаца у И. С. Шмелёва читаем: «Эта знакомая мне "тревога" томила меня всегда, когда предстояло радостное: когда повезут в театр, в канун великих праздников, в именины... – "а у других? будет ли радость всем?" Мне было стыдно, что у других этого не будет, такого нарядного костюмчика, из Москвы, в хрустальных пуговках...»⁸. То же и у А. П. Платонова: «...он без всякого внутреннего сопротивления сочувствовал любой жизни – слабости хилых дворовых трав и случайному ночному прохожему, кашляющему от своей бесприютности, чтобы его услышали и пожалели»⁹.

В отличие от Ю. К. Олеси и В. В. Набокова, А. П. Платонов в «Чевенгуре» не прибегает к полной персонализации: его синтаксис не создаёт иллю-

¹ Набоков В. В. Король, дама, валет // Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 256.

² Там же. С. 241.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Платон. Федр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsu.ru/classics/bibliothecca/plato01/fedr.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

⁶ Шмелёв И. С. Записки не писателя // Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Рождество в Москве: роман. Рассказы. М.: Русская книга, 2001. С. 320.

⁷ Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А. П. Чевенгур. Котлован. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 68.

⁸ Шмелёв И. С. Записки не писателя // Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Рождество в Москве: роман. Рассказы. М.: Русская книга, 2001. С. 320.

⁹ Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А. П. Чевенгур. Котлован. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 69.

зии существования одушевлённых вещей в «объективной реальности» произведения, они оживают исключительно в чьём-то сознании. Например: «Он (машинист-наставник. – Е. Х.) считал, что ... машина – нежное, беззащитное, ломкое существо»¹. «...И для машиниста-наставника, и для Захара Павловича – природа, не тронутая человеком, казалась ... мёртвой... Любые же изделия ... наоборот, существовали оживлёнными и ... были ... интересней и таинственней человека»². Кроме того, автор, подчёркивая неистовую любовь человека к изделиям, впоследствии ясно даёт понять, что, с его точки зрения, такая любовь абсурдна. Машинист-наставник умирает от механической травмы, нанесённой ему вещью как бы самопроизвольно, а мировоззрение Захара Павловича эволюционирует до гуманизма.

В. В. Набоков же отличается тем, что в его произведениях чуткость к вещам самоценна, она отнюдь не подразумевает такого же отношения человека к себе подобным. Это наиболее очевидно в «Даре», герой которого – писатель Годунов-Чердынцев – воплощает собой авторскую концепцию настоящего художника. Дорожащий своей способностью испытывать «пронзительную жалость – к жестянке на пустыре, к затоптанной в грязь папирсной картинке из серии “национальные костюмы”»³, он, с позволения автора, легко прощает себе «странную заторможенность отзывчивости»⁴ даже по отношению к любимой девушке (Зине) и другу (Александре Яковлевне).

Такое противоречие, вероятно, объясняется тем, что жалость к вещи является у Набокова не этическим, а эстетическим мерилом – одним из проявлений драгоценного, с точки зрения писателя, единения с окружающим миром, которое свойственно избранным.

¹ Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А. П. Чевенгур. Котлован. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 35.

² Там же. С. 56–57.

³ Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. С. 147.

⁴ Там же. С. 169.

Антропоморфизм как средство выражения иронии в рассказе Т. Толстой

Близкая к В. В. Набокову по творческой манере (в части метафорического стиля и «мифопоэтики» [6, с. 85]), Т. Н. Толстая показала, что «живые» вещи могут отражать не только индивидуальные качества конкретных персонажей, но и психологические грани неких собирательных образов, а также тип авторской эмоциональности. Так, в рассказе «Биде чёрный с Вольтером» посредством антропоморфизма указывается на характерные черты субъектов рыночных отношений: продавцов и потребителей. Семантическая весомость вещи подчёркивается самим заглавием, которое одновременно задаёт иронический тон повествования.

По терминологии Л. Я. Гинзбург, в рассказе происходит вещное замещение человека: «Со страниц "Частной архитектуры" ... вам шепчет сама мебель, вас убаюкивают осветительные приборы, вам льстят подвесные потолки, вам беззаветно отдаются: плитка керамическая, крошка гранитная, плиты облицовочные, краска ПВХ»⁵. Подспудное сравнение продаваемых товаров с продажными женщинами выражает иронию автора по поводу велеречивой лжи наёмных писак (авторов статей глянцевого журнала), ради завлечения клиентов возводящих покупку мебели в ранг любовных отношений: «Роман с деревом», «Роман с квартирой», «Роман с ванной»⁶. Под стать продавцам и абстрактный образ покупателя («Заказчика») из разряда «новых русских», тщеславного, но недалёкого, и потому идущего на поводу у «многоголовой Шехерезады»⁷.

Подобное возвышение вещей, несомненно, унижает человека, что и подчёркивает остроумный гротеск: «Вот вы размышляете: а не купить ли плетёную мебель? – так знайте: “её характер – требо-

⁵ Толстая Т. Н. Биде чёрный с Вольтером // Толстая Т. Н. День: личное. М.: Подкова, 2001. С. 182.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

вательный и сдержанный или вдруг темпераментный и взрывной – призывает владельцев не претендовать на лидерство и не перечить её индивидуальности»¹. В итоге персонификация направлена на высмеивание вещизма и рыночных реалий начала 90 гг. прошлого века, когда желание продемонстрировать внезапное богатство побеждало и здравый смысл, и человеческое достоинство. То, что доминирование вещи над человеком является добровольным выбором самого человека, делает представленную ситуацию вдвойне абсурдной.

Заключение

Рассмотренные примеры функционирования антропоморфных предметов в произведениях прозаиков XX в. демонстриру-

ют усиление наметившейся у символистов тенденции к симбиозу самостоятельной и служебной роли вещи. В результате в рамках одного произведения вещь может проявлять иллюзорную эмоциональную независимость от человека и выступать как характеризующий его фактор, транслятор его психологических флуктуаций. Отношения человека с вещами нередко становятся равными по значимости межличностным отношениям. Таким образом, за счёт персонификации обыденных предметов расширяется спектр художественных средств изображения различных сторон внутреннего мира человека – отдельного персонажа, типажа и самого автора.

Статья поступила в редакцию 19.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альшевская А. С. Разновидности антропоморфных образов-персонажей в художественной литературе // Вестник Полоцкого государственного университета. 2020. № 10. С. 65–75.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 408 с.
3. Коточигова Е. Р. Вещь // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2011. С. 288–299.
4. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // Набоков В. В. Pro at contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 454–475.
5. Миллионщикова Т. Н. Вещный мир в русской литературе XIX века. Глазами американцев (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 123–131.
6. Мочавариани Н. В. Мифопоэтика ранних рассказов Т. Н. Толстой // Вопросы русской литературы. 2016. № 1–3. С. 85–92.
7. Нестерова Е. А. Вещь: место в структуре мира произведения // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 51–62.
8. Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 1. С. 33–46.
9. Полищук В. Б. Поэтика вещи в прозе В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 18 с.
10. Серебрякова Е. Б. Проблема определения «персонификации» в стилистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 64–68.
11. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа. 1999. 398 с.
12. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.

REFERENCES

1. Al'shevskaya A. S. [Diversity of Anthropomorphic Images in Literature]. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Polotsk State University], 2020, no. 10, pp. 65–75.
2. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About Lyrics]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1974. 408 p.

¹ Толстая Т. Н. Биде чёрный с Вольтером // Толстая Т. Н. День: личное. М.: Подкова, 2001. С. 183.

3. Kotochigova E. R. [Thing]. In: Chernets L. V., ed. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Study], Moscow, Akademiya Publ., 2011, pp. 288-299.
4. Medarich M. [Vladimir Nabokov and 20th Century Novel]. In: Nabokov V. V. *Pro at contra*. St. Peterburg, Republican art gymnasium Publ., 1997, pp. 454-475.
5. Millionshchikova T. N. [Thing's World in Russian Literature of 19th Century. Americans' View (Review)]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyi zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary criticism. Journal of Abstracts], 2019, no. 3, p. 123-131.
6. Mochavariani N. V. [Mythopoetics of T. Tolstaya's Early Stories]. In: *Voprosy russkoi literatury* [Russian Literature Issues], 2016, no. 1-3, pp. 85-92.
7. Nesterova E. A. [Thing: Its Place in Literary Text Structure]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2017, no. 2 (41), pp. 51-62.
8. Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. [Word Description of Personification as a Problem of Poetic Lexicography]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 33-46.
9. Polishchuk V. B. *Poetika veshchi v proze V. V. Nabokova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Thing Poetics in V. Nabokov's Prose: Abstract of PhD Thesis in Philological sciences]. St. Peterburg, 2000. 18 p.
10. Serebryakova E. B. [Problem of Definition of 'Personification' in Stylistics]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2010, no. 2, pp. 64-68.
11. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999. 398 p.
12. Chudakov A. P. *Slovo - veshch' - mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [Word - Thing - World. From Pushkin to Tolstoi]. Moscow, Sovremenniy pisatel' Publ., 1992. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хонг Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении Московского педагогического государственного университета; e-mail: ehong@mail.ru

INFORMATON ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Hong – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian as a Foreign Language in Professional Education, Moscow Pedagogical State University; e-mail: ehong@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хонг Е. Ю. Характерологическая функция антропоморфной вещи в прозе XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. С. 99-106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-99-106

FOR CITATION

Hong E. Yu. Charactering Function of Anthropomorphic Objects in the 20th Century Prose. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2021, no. 4, pp. 99-106.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-99-106